

2. Баркович, А. А. Методологический аспект изучения компьютерно-опосредованного дискурса / А. А. Баркович // Вестн. Нижегород. гос. лингвист. ун-та им. Н. А. Добролюбова. – 2015. – Вып. 30. – С. 38–48.
3. Баркович, А. А. Модель развития языковых новаций в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации / А. А. Баркович // Вестн. Тихоокеан. гос. ун-та. – 2015. – № 4 (39). – С. 38–43.
4. Баханькоў, А. А. Развіццё лексікі беларускай літаратурнай мовы ў савецкі перыяд / А. А. Баханькоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1982. – 231 с.
5. Барковіч, А. А. Лексічны патэнцыял беларускай мовы ў святле корпуснай лінгвістыкі / А. А. Барковіч. – Мінск : Рэсп. ін-т выш. шк., 2012. – 158 с.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – 3-е изд. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 4.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агульн. рэд. К. Крапівы. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984.
8. Крысин, Л. П. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1. А–И / Л. П. Крысин. – М. : Яз. слав. культур, 2014. – 777 с.
9. Баркович, А. А. Корпусная лингвистика: специфика современных метаописаний языка / А. А. Баркович // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – № 406. – С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/406/1.
10. Лукашанец, А. А. Славянскія мовы ў сучасным еўрапейскім кантэксте: праблемы развіцця і функцыянавання / А. А. Лукашанец // Теорэтычна і дыдактычна філалогія : зб. наук. праць. – Переяслав Хмельницький; Корсунь-Шевченківський : Вид. «КСВ». – 2015. – Вып. 20. – С. 265–275.

The co-existence of the Belarusian and Russian languages in Belarus is a multidimensional factor in the sociocultural sphere, which significantly complicates the development of the Belarusian language. In this situation, the language resources of the Russian language, which is closely related to Belarusian, are naturally involved in *renovation of Belarusian verbal lexicon* – very significant substance in the system aspect of the language. The process of borrowing of *Russian-marked verb vocabulary* into the Belarusian language is quite influential, but a detailed analysis testifies, that *Russian-Belarusian cross-lingual interference* does not change the identity of the Belarusian language, being one of the attributes of its development.

О. О. Графутко

ЭМОТИВНЫЕ СИТУАЦИИ СТРАХА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья рассматривает понятие эмотивной ситуации в художественном дискурсе и анализирует лексические единицы, репрезентирующие эмоцию страха в эмотивных микротекстах. Выявляются сходства и различия в составе эмотивных лексем на двух языках, а также особенности их функционирования.

Способность испытывать широкий спектр эмоций является неотъемлемой характеристикой человека как биологического вида, а неспособность индивида их переживать, идентифицировать или выражать словесно (алекситимия) считается отклонением [1], ведь «эмоции служат организующим и мотивирующим фактором поведения человека, его личностного развития и отношений с окружающим миром» [2, с. 17]. Неудивительно, что интерес к исследованию этого сложнейшего феномена человеческой психики возник еще у древних, и сегодня эмоциям уделяется большое внимание со стороны самых разных дисциплин – от философии и психологии до биохимии, кибернетики и лингвистики [3; 4; 5].

Многообразие эмоций приводит к необходимости группировать их по классам. Одной из наиболее распространенных классификаций является деление всех эмоций на простые (базовые, фундаментальные) и сложные (вторичные, интегративные, составные) [6; 7; 8; 9]. Число базовых эмоций в списках авторов различается, однако, как правило, в любом из них присутствуют такие эмоции, как гнев/злость, радость/счастье, грусть и страх [9]. Исследователи отмечают, что страх является эволюционно одной из самых важных эмоций, т.к. он служит значимым инструментом выживания и адаптации [10; 11]: человек испытывает страх, когда его спокойствию или безопасности нечто угрожает [2], и потому в целях самосохранения стремится избежать подобных ситуаций.

Целью данной статьи является выявление лексических средств передачи эмоции страха в соответствующих эмотивных ситуациях и особенностей их функционирования в художественном дискурсе на английском и белорусском языках в сопоставительном аспекте.

Под эмотивными ситуациями понимаются типовые жизненные ситуации (реальные или отражаемые в художественном дискурсе), в которых коммуниканты испытывают определенные эмоции [12]. По мнению О. Е. Филимоновой, эмотивные ситуации находят свое текстовое воплощение в эмотивных микротекстах и вкраплениях. Эмотивными микротекстами признаются «фрагменты текста (блоки, сферхфразовые единства), вычленяемые на тематической основе и отражающие какое-либо эмоциональное состояние или состояния субъекта» [12, с. 11].

Из современных произведений в жанре романа («Purity» Дж. Франзен, «The New Republic» Л. Шрайвер, «Марыянеткі і лялькаводы» М. Южык, «Перакулены час» М. Южык, «Цень анёла» М. Клімковіч, У. Сцяпан) было отобрано 32 микротекста на английском языке и 50 – на белорусском, в которых представлена эмотивная ситуация страха.

Первым важным выводом, который позволил сделать анализ микротекстов, является необходимость присутствия в них лексем, *называющих* эмоцию страха, – они встретились в 100 % англоязычных микротекстов и 98 % – белорусскоязычных, при этом 59,4 % микротекстов на английском языке и 56 % – на белорусском включали один или более *терминов эмоции страха* (существительные, называющие определенную эмоцию). 40,6 %

англоязычных микротекстов и 42 % белорусскоязычных не содержали терминов эмоций, но включали *средства косвенного называния* (прочие части речи, называющие эмоциональные переживания и, как правило, однокоренные с терминами эмоций).

Распространенность данного семантического класса эмотивных единиц объясняется тем, что при написании художественного произведения одной из установок автора является максимально полное и однозначное декодирование текста будущим читателем, что предполагает насыщенность эмотивных микротекстов лексемами, которые называют и описывают, а также выражают чувство или эмоции, реализующиеся в некоторой ситуации. Рассмотрим примеры:

*Although Edgar himself contrived to appear tough, assured, and jejune, he found Jasmine's **tentative**, hair-messing underconfidence refreshing. <...> He ushered her hugger-mugger into his office, where he'd tacked up a white sheet that partitioned the cubicle in half. Apologizing, Edgar patted her down gingerly for a microcassette — nice build. She **was shaking**.*

"Excited?" asked Edgar.

*"**Nervous**," Jasmine corrected. "These people ...".*

*<...> As its puppeteer, of course Edgar couldn't take the SOB seriously. <...> Jasmine, by contrast, thought a killer was **scary**. That was astute.*

*"<...> **Don't worry**, I won't be far away." Quite.*

*<...> The instant he switched on the light to cast his bulbous profile on the sheet in silhouette, Edgar felt like a heel. Jasmine was a nice kid, **frightened out of her wits**, and she thought this was real*

‘Хотя Эдгар планировал казаться жестким, уверенным в себе и сухим, **робкая** неуверенность Жасмин показалась ему освежающей. <...> Он тайком проводил ее в свой кабинет, где заранее повесил белую простыню, разделившую помещение пополам. Извинившись, Эдгар опасно обыскал ее на наличие диктофона – хорошая фигурка. Она **дрожала**.

– Не терпится? – спросил Эдгар.

– **Страшно**, – поправила Жасмин. – Эти люди...

<...> Будучи кукловодом *SOB* (террористическая группа в романе. – *О. Г.*), Эдгар, конечно, не мог воспринимать организацию всерьез. <...> Жасмин же убийца **пугал**. Это было мудро.

– <...> **Не бойся**, я буду близко. – Очень.

<...> Стоило Эдгару включить свет, обрисовавший на простыне очертание его носатого профиля, как он почувствовал себя мерзавцем. Жасмин была милой девушкой, **напуганной до смерти**, и принимала происходящее за чистую монету’ (Перевод наш. – *О. Г.*) [13, р. 272–273].

Эмотивная ситуация страха создается автором при помощи средств косвенного называния *nervous* ‘испуганный’, *scary* ‘пугающий’, *(don't) worry* ‘(не) бояться’, *frightened out of her wits* ‘напуганный до смерти’, а также единиц, описывающих переживание исследуемой эмоции: *tentative* ‘робкий’ – ‘if someone is tentative, they are cautious and not very confident

because they are uncertain or **afraid**' [14], *to shake* 'дрожать'. Примечательно, что указанный глагол по своему значению является полиэмоциональным, т.е. может репрезентировать разные эмоции – '(of a person, part of the body, or the voice) tremble uncontrollably **from a strong emotion**' [15], и именно благодаря другим лексемам, называющим эмоцию страха, значение этого глагола конкретизируется в контексте. Отметим, что страх лексически репрезентирован не только в словах автора, но также в речи персонажей: героиня признается, что нервничает перед встречей с террористом, а собеседник просит ее не бояться.

Эмотивные ситуации в белорусскоязычном художественном дискурсе реализуются в микротекстах аналогичным образом:

– *Сволач! – гаркнуў рэжысёр і ў запале змахнуў са стала нейкую паперыну.*

Але тут жа перанужаўся магчымага прыліву крыві ў галаву і... пачаў лічыць пульс на шыйнай артэрыі. <...> Ён быў дужа ўстрывожаны тым, што пры замеры пульсу адзначыў не толькі пачашчэнне, але і перабоі ва ўдарах сэрца. <...> А тут Зарэмба са сваім паганым шакаладам... <...> Раптам яна нагнулася і высунула ніжнюю шуфляду рэжысёравага стала. Бабаеўскі абамлеў, бо ў верхнюю ён толькі што паклаў лекі, пра існаванне якіх ведаць яго палюбоўніцы было зусім неабавязкова. У Аркадзя Рыгоравіча заняло мову, і ён здранцвела ўтаропіўся на Таццяну, што па-свойску корпалася ў гэтай аб'ёмістай скрыні. Добра што ён замкнуў верхнюю шуфляду! Але тут жа варухнулася ў галаве трывожнае: ці замкнуў, ці дакладна ў верхнюю шуфляду паклаў ён тыя ганебныя таблеткі? І адчуў дырэктар найвядомейшага тэатра сталіцы, як па яго спіне прабег халадок... <...>

– Э, ды ты што, Танюсік! – <...> Ён збянтэжана пазіраў на стройны стан Таццяны, што нахілілася і арудала ў напаяўпустой шуфлядзе.

Беспаспяхова скончыўшы там пошукі, яна тарганула ручку верхняй скрыні стала. Бабаеўскаму падалося, што сэрца яго спынілася ад **страху**. <...> Але шуфляда не падалася, бо ўсё-ткі была абачліва замкнута. <...>

– Я табе не шакаладная фабрыка, а, між іншым, дырэктар гэтага тэатра. І наогул, прызначаны мной перапынак скончаны... Так што давай, – ён **нервова** махнуў рукою ў бок дзвярэй, – на рэпетыцыю [16, с. 14–16].

Данный микротекст содержит описание эмоции *страх*, средства косвенного ее называния *перанужаўся, устрывожаны, трывожнае, збянтэжана, нервова*, а также средства описания эмоции страха: *абамлеў, заняло мову, здранцвела, па спіне прабег халадок*.

Для микротекстов на обоих языках характерно преобладание эмотивной лексики в речи автора. Вербализация эмоции страха в речи персонажей отмечена лишь в 37,5 % ситуаций в англоязычном художественном дискурсе и 34 % – в белорусскоязычном. Это объясняется общим преобладанием речи автора в выбранных для анализа романах, а также тем фактом, что эмоции широко проявляются через невербальные средства, лексическая реализация

которых более частотна в авторской речи. Интересно также отметить, что в белорусскоязычных микротекстах эмотивные лексемы, репрезентирующие страх, были отмечены как в прямой, так и в несобственно-прямой речи, а в англоязычных – только в прямой.

Анализ позволил выявить, что в англоязычных микротекстах, вошедших в выборку, не представлены лексемы, *выражающие* данную эмоцию, а в белорусскоязычных – они отличаются низкой частотностью – подобные единицы отмечены лишь в 10 % всех ситуаций (междометие *о*, *Боже!*, иноязычное вкрапление *Mein Got* ‘Боже мой’, *жах*, *ой*).

Кроме того, отмечено, что для больших по объему эмотивных микротекстов на английском языке характерно многократное повторение номинанта преобладающей в ситуации эмоции. Например, в одном из микротекстов обращает на себя внимание рекуррентная единица *anxiety* ‘тревога’: *to make his life a hell of anxiety and hypercaution, they'd left him alone* ‘чтобы заставить бояться собственной тени, они оставили его наедине с собой’¹; *his anxiety returned* ‘тревога вернулась’²; *it was precisely the prospect of regime collapse that made him anxious. Part of the anxiety was straightforward criminal worry* ‘как раз перспектива падения режима его и тревожила. Отчасти это был незамысловатый страх преступника’³; *but there was also a larger and more diffuse anxiety* ‘Но была и другая, более обширная и расплывчатая тревога’⁴; *the vicar left him alone with his anxiety* ‘викарий ушел, и он остался наедине со своей тревогой (Перевод наш. – О. Г.)’ [17, р. 132–135]. Подобная повторяемость одного и того же термина эмоции страха на протяжении всего текстового отрезка отмечена и в других микротекстах на английском языке, хотя в них встречается и синонимичная замена эмотивных единиц, но она менее распространена, чем в белорусскоязычной выборке. Например, в одном из микротекстов на белорусском языке обнаруживаем следующие синонимы: *адно мыкнуў Генадзь, бо ад страху заняло голас*; *апраўдваўся працяты жахам* *бізнесовец*; *дзяўчына ... з нямым спалохам* *глядзела на гэтую сцэну*; *не зважаючы на нежартоўны страх смерці* [16, с. 176–178].

В этом отношении примечательно, что в эмотивных микротекстах, репрезентирующих страх, в дискурсе на обоих языках очень часто происходит нивелировка различий в интенсивности лексем, называющих рассматриваемую эмоцию. Например, единицы *worry* ‘беспокойство’, *anxiety* ‘тревога’, *fear* ‘страх’, *panic* ‘паника’, *dread* ‘ужас’; *трывога*, *страх*, *спалох*, *жах* могут использоваться автором в качестве полных синонимов.

Таким образом, анализ микротекстов, репрезентирующих эмотивную ситуацию страха, позволил выявить некоторые сходства и различия

¹ Перевод по изданию: *Франзен, Дж. Безгрешность : роман / Дж. Франзен; пер. Л. Ю. Мотылев, Л. Б. Сумм. – М. : АСТ ; CORPUS, 2016. – 736 с. – С. 195.*

² Там же. С. 197.

³ Там же.

⁴ Там же.

лексического представления данной эмоции в художественном дискурсе на английском и белорусском языках. Большинство микротекстов на обоих языках характеризуется многократной актуализацией рассматриваемой эмоции различными средствами – лексемами, которые прямо или косвенно называют страх, описывают и выражают его, причем, как правило, средства называния являются обязательным компонентом. В художественном дискурсе на обоих языках преобладает вербализация эмоции страха в авторской речи. В англоязычных микротекстах не выявлено лексем, *выражающих* анализируемую эмоцию, а в белорусскоязычных они отличаются низкой встречаемостью. Кроме того, обнаружено, что для произведений на английском языке характерно многократное повторение одного и того же термина эмоции в рамках определенного эмотивного микротекста, не присущее текстовым отрезкам на белорусском языке. Вместе с тем в художественном дискурсе на обоих языках отмечена нивелировка различий в интенсивности номинантов эмоции страха.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Lindquist, K. A. Emotional Complexity* / K. A. Lindquist, L. Feldman Barrett // *Handbook of emotions* / ed. by M. Lewis, J. M. Haviland-Jones, L. Feldman Barrett. – 3rd ed. – N. Y. : Guilford Press, 2008. – P. 513–530.
2. *Изард, К. Э. Психология эмоций* / К. Э. Изард. – Санкт-Петербург : Питер ; Лидер, 2011. – 460 с.
3. *Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке* / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
4. *Wierzbicka, A. Emotions across languages and cultures: Diversity and universals* / A. Wierzbicka. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1999. – 349 p.
5. *Шаховский, В. И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология* / В. И. Шаховский. – М. : URSS : Либроком, 2010. – 124 с.
6. *Додонов, Б. И. Эмоция как ценность* / Б. И. Додонов. – М. : Политиздат, 1978. – 272 с.
7. *Damasio, A. The Feeling of what Happens: Body and Emotion in the Making of Consciousness* / A. Damasio. – N. Y. : Harcourt Brace, 1999. – 386 p.
8. *Johnson-Laird, P. N. Emotions, Music, and Literature* / P. N. Johnson-Laird, K. Oatley // *Handbook of emotions* / ed. by M. Lewis, J. M. Haviland-Jones, L. Feldman Barrett. – 3rd ed. – N. Y. : Guilford Press, 2008. – P. 102–113.
9. *Ortony, A. What's Basic about Basic Emotions?* [Electronic resource] / A. Ortony, T. Turner. – Mode of access : http://www.cs.northwestern.edu/~ortony/Andrew_Ortony_files/1990%20-%20Basic%20emotions.pdf. – Date of access : 30.08.17.
10. *The ecology of human fear: survival optimization and the nervous system* [Electronic resource] / D. Mobbs [et al.]. – Mode of access : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4364301/>. – Date of access : 03.09.17.

11. *Steimer, Th.* The biology of fear- and anxiety-related behaviors [Electronic resource] / Th. Steimer. – Mode of access : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3181681/>. – Date of access : 05.09.17.
12. *Филимонова, О. Е.* Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 / О. Е. Филимонова. – СПб., 2001. – 382 л.
13. *Shriver, L.* The New Republic : A Novel / L. Shriver. – N. Y. : Harper Perennial, 2012. – 359 p.
14. Collins English Dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english>. – Date of access : 03.10.2018.
15. Oxford English Living Dictionaries [Electronic resource]. – Mode of access : <https://en.oxforddictionaries.com>. – Date of access : 03.10.2018.
16. *Южык, М.* Марыянеткі і лялькаводы [Электронны рэсурс] / М. Южык. – Рэжым доступу : http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=16458. – Дата доступу : 07.04.2017.
17. *Franzen, J.* Purity : A Novel / J. Franzen. – N. Y. : Farrar; Straus and Giroux, 2015. – 492 p.

The article focuses on lexical means in emotive microtexts which represent emotive situations of fear in fictional discourse. Patterns of their use as well as similarities and differences in the nature of the lexemes have been identified.

С. А. Могилевцев

ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ И ИХ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются фразовые глаголы, функционирующие в англоязычных телевизионных сообщениях жанра «репортаж», приводится их классификация, исходя из идиоматичности либо неидиоматичности, определяются основные способы перевода данных глаголов на русский язык.

Установлено, что в англоязычных новостных репортажах (проанализировано 40 репортажей, идентифицировано 89 случаев употребления фразовых глаголов) преобладают фразовые глаголы неидиоматического характера (60 % случаев использования), которые переводятся на русский язык с помощью эквивалентного перевода с использованием приставочных глаголов, а также лексической трансформации.

Современные подходы к характеристике телевизионного новостного дискурса рассматривают его как дискурс информационных и аналитических программ, сложный «семиотический комплекс» вербальных, звуковых и визуальных средств, погруженных в «конкретное социальное пространство» [1, л. 3; 2, с. 4]. По мнению Т. Г. Добросклонской, новостной дискурс составляет основу телевизионного медиадискурса в целом [3, с. 20]. Важнейшей составляющей новостного теледискурса является телевизионная речь (поскольку телевизионный дискурс – это «телевизионная речь в ситуации